
ПЕЧАТЬ
НЕИЗБЕЖНОСТИ
АЛЕКС
РОДИОНОВ
18+

Алекс Родионов

Печать неизбежности

«Автор»
2026

Родионов А. А.

Печать неизбежности / А. А. Родионов — «Автор», 2026

Эта книга не просто сборник рассказов, а откровенная исповедь человека, чья жизнь оказалась неразрывно связана с необъяснимыми явлениями и предчувствиями. Автор делится более двадцати реальных историй, в которых обыденность переплетается с чудом, а интуиция становится сильнее логики. Он не стремился к славе пророка, но судьба заставила его видеть то, что скрыто от других, и предугадывать события, которые неминуемо сбывались.Каждая страница это размышление о тонкой грани между знанием и бессилием, о боли потерь и радости спасённых судеб. Автор не даёт готовых ответов, но приглашает читателя задуматься: можно ли почувствовать будущее? Стоит ли доверять внутреннему голосу, даже если он кажется странным или пугающим?

© Родионов А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 6
Глава 2 11
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Алекс Родионов
Печать неизбежности

Глава 1

1. Просто Ваня
2. Спираль вечности
3. Поток времени
4. Предсказание
5. Билет N11

Глава 2

1.Очамчира
2.Предчуствие
3.Вот и все.
4.Плафен
5.Мария Николаевна
6.Пророк
7.Тяжесть дара
8.Завтра
9.Чужая боль
10. Иной
11. Человек века
12 Река Иордан
13. Звезда Давида
14. Камень Помазания
15.Тонущий мальчик
16.Временной портал
17. Ловчая сеть
18. Энергетик
19. Провидец по неволе
20. Последний караул
21. Плазменный образ
22. Просто угол
23. Председатель
24. Томография
25. Инопланетянин
26. Свободная барышня
27. Наша лавочка
28. Руки
29.Мост над пропастью.
30. Игла и пророчество.
31. Армяночка
32.Лужецкий
33. Предсказание неизбежно

Введение.

Вы держите в руках не просто книгу. Это страницы моей жизни, в которых реальность переплетается с тем, что принято называть чудом или судьбой. Я никогда не искал славы пророка и не мечтал о внимании. Всё, что здесь написано, это 20 историй, которые случились со мной на самом деле.Я видел то, что другие не замечали. Предчувствовал события, которые потом неумолимо происходили.

Иногда я пытался предупредить людей, но мои слова казались им странными, пугающими или просто нелепыми. Не все послушали. Не всех удалось спасти.В этой книге нет вымысла. Здесь боль потерь, удивление от сбывшихся предсказаний и тяжёлая ноша знания.

Я делюсь этим не для того, чтобы удивить или напугать. Я хочу, чтобы вы задумались: а что, если будущее действительно можно почувствовать? Что, если у каждого из нас есть свой

внутренний голос, к которому стоит прислушаться?Читайте внимательно. Возможно, среди этих историй вы найдёте что-то близкое себе. Или просто по-новому посмотрите на собственную жизнь.

1. Просто Ваня.

Ваня был совсем маленьким мальчиком. Ему только что исполнилось три года, но он уже знал то, о чём другие дети даже не задумываются: Земля круглая, а если присмотреться внимательнее, то это огромный продолговатый булыжник, испещрённый глубокими впадинами и высокими горами.

Откуда у него такие мысли? Всё просто: каждую ночь, засыпая, Ваня видел один и тот же сон.Он садился в невидимый ковчег, и тот начинал кружить вокруг Земли. Сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее. Скорость нарастала, пока всё вокруг не сливалось в единый поток света и тьмы. В этот момент Ваня просыпался сердце билось часто, а в голове оставался странный привкус знания, недоступного другим.

С годами сны менялись. Однажды ему приснился огромный завод, где он, совсем ещё юный, изобретал удивительные электронные устройства. Но каждый раз что-то мешало довести дело до конца прогресс ещё не дошёл до нужного уровня, не хватало деталей, не было нужных материалов. И тогда в его сознании прозвучал голос: *«Ты не успеешь выполнить своё задание в жизни, если не начнёшь готовиться сейчас. Читай не менее трёх книг в день по классической литературе и технике три года подряд»*.

Мама удивлялась: откуда у её сына столько рвения к учёбе? Ваня до двух часов ночи сидел с книгами, читал запоем, а потом тихо улыбался в темноте своей комнаты. Он знал с пелёнок: его путь быть инженером, директором завода, создавать аппараты, которых ещё не было в природе. И всё сбылось именно так.

Когда его спрашивали, как он выбрал профессию и что для этого нужно, Ваня задумывался. Как объяснить людям, что он просто знал? Знал с самого начала. Видимо, существуют иные миры, с которыми мы сталкиваемся в подсознании. Важно в этот момент сделать правильные выводы и доверять иной субстанции тому, что называют мировым разумом. Там известно всё о каждом, и каждому определена своя роль.А если не захочешь принять этот контакт останешься свободным радикалом, блуждающим по миру в поисках своего места. Но этого места всё нет и нет.

2. Спираль вечности.

Опять мы в пути. Старый ГАЗон весело мчит нас по грунтовой дороге, подпрыгивая на ухабах и оставляя за собой клубы пыли, которые медленно оседают на придорожные травы. В кабине пахнет бензином, нагретым металлом и чем-то неуловимо родным запахом дороги, свободы и ожидания перемен.

Я смотрю в окошко, и луч солнца, пробившись сквозь листву, вдруг бьёт мне прямо в лицо. Я невольно щурюсь, но не отворачиваюсь. Напротив, я жадно впитываю этот свет, словно пытаюсь запомнить его тепло на долгие годы вперёд.Мир за окном кажется бесконечным и удивительно красивым. Поля, уходящие за горизонт, перелески, в которых прячется прохлада, извилистая лента реки, блестящая на солнце. Всё это живое, настоящее, вечное. Нет слов, чтобы описать эту красоту. Она просто есть, и от этого на душе становится легко и спокойно.

Но именно в этот момент, когда гармония кажется абсолютной, в сознание вдруг вонзается острая, пронзительная грусть. Она приходит неожиданно, как удар молнии в ясный день.*Стрела времени напомнила о себе.*Взгляд цепляется за что-то знакомое, но чуждое этому потоку жизни. Возле дороги стоит очень старый дом. Его бревна потемнели от времени и дождей, крыша местами просела, а окна смотрят на мир мутными, уставшими глазами.

Возле дома покосившаяся лавочка. И на ней сидит дедушка. Ему, наверное, сто лет. Его лицо изрезано глубокими морщинами, как кора старого дерева, а руки лежат на коленях большие, натруженные, знавшие тяжесть земли и радость труда. Он смотрит куда-то вдаль, и в его

взгляде вся мудрость и вся усталость этого мира.В этот миг я понимаю: скоро таким буду я. Не через год и не через десять лет, но когда-нибудь обязательно. Эта мысль не приносит радости. Мне не хочется быть этим стариком у дороги. Не хочется чувствовать, как время утекает сквозь пальцы, как силы покидают тело, а мир вокруг становится всё менее понятным и всё более чужим.

И тут приходит другое, ещё более странное чувство. Словно вспышка озаряет сознание: я снова пришёл в этот мир. Всё повторяется. Этот путь, этот старый дом, этот дедушка на лавочке всё это уже было. Или будет. Или существует всегда, вне времени и пространства. Мы все лишь странники на этой дальней дороге, пассажиры старого ГАЗона, который везёт нас от рождения к неизбежному финалу.Мы смотрим в окно, изучаем мир, восхищаемся его красотой и боимся старости. Но, может быть, именно в этом повторении и есть главный смысл? Может быть, задача каждого из нас не убежать от времени, а научиться видеть красоту в каждом его мгновении? Запомнить этот луч солнца на лице, этот запах пыли и травы, этот мудрый взгляд старика у дороги?Грузовик уносит нас всё дальше.

Старый дом и дедушка остаются позади, превращаясь в точку на горизонте. Но стрела времени уже пронзила сердце. И теперь я знаю: дорога не закончится никогда. Она будет продолжаться в памяти, в снах, в новых встречах и расставаниях. И где-то там, впереди или позади нас, снова будет стоять старый дом, а на лавочке будет сидеть человек, который когда-то был молод и смотрел в окно мчащегося по грунтовке ГАЗона.**

3. Поток времени

Я стою на самом краю пропасти. Вокруг холодное лунное сияние, а внизу, в глубине, течёт поток времени. Я ощущаю его всем своим существом. Это не просто река это живая, пульсирующая артерия мироздания. В её водах я вижу города: они растут, тянутся к небу, сверкают огнями, полны жизни и надежд. Картина завораживает, она кажется божественной.Кто дал мне возможность это увидеть? Или я сам лишь часть Всевышнего, на мгновение слившаяся с вечностью?Но вот картина меняется. Всё, что было построено с таким трудом, медленно рушится, оседает в прах. На месте былых гигантов поднимаются новые города так же неизбежно, как волны в океане сменяют друг друга. Я могу только смотреть. Внутри странная, тихая гармония. Наверное, это и есть минутное счастье, подаренное мне свыше.А люди? Их нет. Они как песок в пустыне: обволакивают всё, но сами превращаются в пыль. Созидание через разрушение основа жизни и движения вперёд.Поток времени... Океанские волны. И нас среди них практически нет.

4. Предсказание

Небо стремительно потемнело, словно кто-то невидимый набросил на мир плотное серое покрывало. Воздух наполнился тяжестью дождевых облаков, и в нём повисло ожидание густое, почти осязаемое. Лёгкий ветерок, ещё минуту назад игравший с опавшими листьями, теперь то резко подбрасывал их вверх, то закручивал в причудливом водовороте, словно пытаясь предупредить о надвигающейся буре.

Во дворе началась суета. Куры, кудахча и хлопая крыльями, стремительно побежали со двора под навес, где важно расхаживал петух. Он расправил свой пёстрый хвост и, словно старый генерал, проверял все ли на месте, все ли в порядке. Собачка Лиска, обычно весёлая и любопытная, вдруг притихла. Она слегка поскуливала, нырнула в свою будку и затихла, свернувшись калачиком.

Напряжение росло с каждым часом, как будто сама природа дожидалась оглушительного удара грома.За столом на веранде сидели два брата. Старший, уже почти взрослый, и младший ещё совсем мальчишка. Они мирно разговаривали, обсуждая завтрашнюю рыбалку и вдруг ниоткуда появившуюся грозу. Ветер уже стучал в окна, а за стеной глухо рокотало.

Положи карандаш на стол, вдруг серьёзно сказал младший брат. Его голос прозвучал непривычно твёрдо. Зачем? усмехнулся старший, не отрываясь от разговора. А то молния

выскочит из розетки, пройдёт сквозь него и убьёт меня.Старший рассмеялся: Так не бывает. Это всё выдумки. Бывает, бывает... Лучше не рискуй. И запомни следующее: если ты будешь себя так вести, то жизнь твоя закончится печально.В комнате повисла тишина. Старший брат хотел было снова пошутить, но что-то во взгляде младшего остановило его.

В этот момент за окном сверкнула ослепительная вспышка, и тут же раздался оглушительный раскат грома. Свет в доме мигнул и погас.И вдруг... из розетки, что была рядом со столом, плавно, словно живая, выползла молния. Она была похожа на светящийся шнур гибкий, пульсирующий, будто обладающий собственной волей. Она не спешила. Казалось, она думает, куда пойти, выбирая свой путь в полумраке комнаты.Дети замерли. Они смотрели на это чудо как заворожённые, не в силах пошевелиться или закричать.

Молния медленно приблизилась к лежащему на столе карандашу. Она коснулась его, вошла внутрь деревянного корпуса и... стремительно выпрыгнув из него, пролетела мимо младшего брата и ушла в пол.Старший онемел от испуга. Его сердце колотилось где-то в горле. Он не мог поверить своим глазам: то, что минуту назад казалось невозможным, только что произошло прямо перед ним. Лишь новый раскатистый гром привёл его в чувство, заставив вздрогнуть и вернуться в реальность.

С тех пор много воды утекло. Дети выросли. Старший брат готовился к поступлению в университет. Он строил грандиозные планы на будущее: стать учёным, изменить мир, доказать всему свету свою правоту. Он уже почти забыл тот странный случай из детства списал его на игру воображения и детскую фантазию.Но младший брат помнил всё до мельчайших подробностей. Он помнил взгляд молнии и свои слова: *«Если ты будешь себя так вести, то жизнь твоя закончится печально»*. Он не знал тогда, что именно имел в виду.

Но судьба распорядилась по-своему.Старший брат поступил в университет. Он был лучшим на курсе самоуверенный, дерзкий, не признающий авторитетов. Он смеялся над предостережениями судьбы так же легко, как когда-то над словами младшего брата. Он не верил в знаки и предсказания.И однажды его жизнь действительно закончилась печально так же внезапно и неотвратимо, как та молния вышла из розетки.

Он погиб в нелепой аварии по собственной неосторожности.Младший брат узнал об этом из газетной заметки. Он долго смотрел на чёрно-белую фотографию и вспоминал тот вечер: ветер за окном, испуганную Лиску в будке и светящийся шнур молнии, который выбрал свой путь вопреки всем законам физики.Он понял главное: иногда самые невероятные слова детей оказываются пророчеством. И если бы старший брат тогда прислушался к предостережению судьбы быть может, всё сложилось бы иначе.

Но история не знает сослагательного наклонения. Она просто течёт своим чередом от грозы к грозе, от предсказания к его исполнению. И только память хранит отголоски того дня, когда молния вышла из розетки, чтобы напомнить: *будущее уже написано невидимыми чернилами на страницах настоящего*.

5. Билет N11

Экзамен по геометрии всегда казался мне не просто проверкой знаний, а настоящим испытанием на прочность. В тот день в воздухе висело напряжение, словно перед грозой. Я знал мне достанется билет 11, а моему соседу по парте, Вите, 7. Это знание пришло ко мне внезапно, как озарение, и я, не раздумывая, выучил свой билет наизусть, повторяя каждую теорему до автоматизма.Директор и завуч сидели за столом, их взгляды были тяжелее свинца. Они ждали моего поражения. Я чувствовал это каждой клеткой. Ещё бы за год я из обычного троечника превратился в отличника, и это явно не укладывалось в их привычную картину мира. В их глазах читалось: *«Этот выскочка не может знать всё. Сегодня он споткнётся»*.Когда билеты были розданы, тишина в классе стала звенящей. Мне выпал одиннадцатый. Вите седьмой. Всё сбылось. На мгновение я поймал торжествующий взгляд директора он уже предвкушал мой провал. Сердце забилось чаще, но я сжал кулаки. Нет. Сегодня я не сдамся.Я встал и пошёл

к доске. Указка в моей руке казалась тяжёлой и неуклюжей, но я сжал её крепче. В этот миг она перестала быть просто деревянной палкой. В моём воображении она превратилась в настоящую шпагу оружие против невидимого врага: их недоверия, их злобы, их желания увидеть меня поверженным.Я начал отвечать. Голос сначала дрогнул, но с каждым словом становился всё увереннее. Я не просто пересказывал выученное я сражался. Каждое доказательство было выпадом, каждая формула ударом шпаги. Я видел, как меняется лицо директора. Его усмешка сползла, уступив место удивлению, а затем едва скрываемому раздражению. Он не мог поверить своим глазам: этот мальчишка не просто знал ответ он владел им.Я говорил, а указка в моей руке словно жила своей жизнью, чертя в воздухе невидимые узоры победы. Я чувствовал их враждебные взгляды, физически ощущал их тяжесть на своих плечах, но не позволял им согнуть меня. Я смотрел прямо в глаза директору и видел, как в них гаснет огонек злорадства и появляется что-то похожее на уважение.Когда я закончил, в классе повисла оглушительная тишина. Я положил указку на стол. Она снова стала обычной деревяшкой, но для меня она навсегда осталась символом той битвы.Директор долго молчал, перебирая бумаги. Весь класс затаил дыхание. Наконец, он поднял на меня тяжёлый взгляд и медленно произнёс: Пять.Это короткое слово прозвучало как приговор его собственным ожиданиям и как моя окончательная победа.Выйдя из класса, я прислонился к стене. Колени дрожали от напряжения, но внутри разливалось тёплое чувство триумфа. Тогда я ещё не знал, что во мне просыпается дар предвидения, который не раз спасёт чужие жизни. Но именно в тот день я понял главное: самая важная битва это битва за веру в себя. И если ты побеждаешь зло в чужих глазах, ты способен победить любое зло в мире.

Глава 2

1. Очамчира

Отпуск в Очамчире должен был стать настоящим спасением после долгих месяцев работы в институте *ИФВЭ*. Мы с женой сели в поезд, и чем ближе поезд подъезжал к Кавказу, тем сильнее меня охватывало странное, необъяснимое чувство. Горы, море, южная красота — всё это проходило мимо, словно сквозь туман. Внутри росла тревога, будто невидимая струна натягивалась всё туже.

В Сухуме мы зашли в зоопарк. Обезьяны... Они вели себя совсем как люди. Я протянул конфету беременной самке. Она боязливо спрятала её, но крупная обезьяна тут же заметила. Другая что-то шепнула ей на ухо, и та, ударив беременную, отобрала лакомство. В этом маленьком эпизоде отразилась вся человеческая жизнь: страх, борьба за выживание, несправедливость. На душе стало ещё тяжелее.

Наконец мы добрались до места и пошли на пляж. Жена отошла посмотреть на море, а я лёг на галечный берег, пытаясь расслабиться под южным солнцем. Но покой не приходил. Я вертел головой, чувствуя, как тревога нарастает с каждой минутой, превращаясь в почти физическую боль.

И тут я увидел их — на дальнем моле. Двое ребят нырнули, а вынырнул только один. В тот же миг моё тело сработало само, как пружина. Я не думал — просто прыгнул в воду, схватил уходящего под воду мальчика и вытащил его на берег. Он кашлял, плакал, но был жив. *«Спасена душа»*, — пронеслось в голове.

Я вернулся на гравий, пытаясь прийти в себя. Но тревога не отпускала. Наоборот, она стала ещё острее. Я встал и пошёл к воде, туда, где две женщины — хохлушки — курили сигареты, а рядом с ними играл маленький ребёнок. Я встал рядом и вдруг почувствовал резкую дурноту. В следующую секунду малыш исчез под водой прямо у ног матери.

Мир замедлился. Я рванулся вперёд и выхватил ребёнка из воды. Он был без сознания, но я привёл его в чувство. Женщины кричали, причитали, благодарили сквозь слёзы.

Я снова лёг на гравий. Крики дамочек звенели впереди над спасённым ребёнком. Внутри была пустота и странное спокойствие — словно я выполнил то, ради чего был здесь. Отпуск мой продолжался, но я уже знал: этот берег я не забуду никогда.

2. Предчустствие.

Городок Протвино был совсем небольшим, и по вечерам его жители часто прогуливались по центральной улице. Справа возвышался Дом учёных, рядом — центральный универмаг, чуть дальше — площадь и уютная улица Лесная, одна из первых, построенных военными строителями.

Однажды я встретил своего приятеля Сергея из седьмого дома.— Привет, Серёга! — окликнул я его.— Здорово! Как дела, что планируешь? — спросил я.— Да вот, на дачу собираюсь, — улыбнулся Сергей.Прошла неделя. Как-то вечером, сидя с Верочкой на кухне, я вдруг сказал:— Знаешь, мне кажется, с Сергеем что-то случится. Я даже думаю, что он погиб.Верочка удивлённо замахала руками:— С какой стати? Не выдумывай!

Мы и забыли этот разговор.Но время шло, и однажды на работе я заметил, что Сергея давно не видно.— А ты разве не знаешь? — спросили коллеги. — Он погиб на даче, когда копал колодец.У меня кольнуло в сердце. Стало грустно и тревожно. *Что это за дар у меня появился?* — подумал я. Я не задумывался об этом, а он вдруг проявился. Предчуствие ему название как с билетом N11, предсказанием и Очамчирой...

3. Вот и все.

Молодость и красота — это счастье, которое ощущаешь каждой клеточкой. Мы с Верой только что поженились и, наслаждаясь золотой осенью, неспешно идём по аллее. Воздух прозрачен и свеж, под ногами шуршат багряные листья клёна, а Вера смеётся над моими историями — в её глазах я вижу безграничную любовь и нежность.

Этот город затянул меня, как в воронку, но я всегда знал: здесь меня ждёт судьба. И вот она — идёт с подругами и кавалером, о чём-то оживлённо беседуя. Вдруг я замираю: стрела Амура пронзает сердце. Вера, словно повинуясь невидимой силе, оборачивается и идёт мне навстречу.

Через три дня мы подали заявление в загс.

— Знаешь, Вера, я могу предсказывать судьбы людей, — признаюсь я однажды.

— Как это? — удивлённо спрашивает она.

— Сам не понимаю... Вот этот человек уже умер, но не знает об этом. А этот скоро уйдёт. Я тоже умру в тридцать два года, но у нас ещё есть время для счастья. Давай не будем о грустном.

— Хорошо, но дай договорить. Парторг института тоже скоро умрёт.

Мы идём дальше, оставляя за спиной шорох листьев и тревожные предчувствия. Вокруг — золото осени, а впереди — целая жизнь, наполненная любовью и светом.

Прошли годы...Я помню о своем предсказании.И оно случилось..

Утро, которое изменило всё.

Солнце только взошло, а надо вставать на работу. Не хочется, но надо... Потянулся, помахал руками, будто сделал зарядку, и — в ванну, под душ. Всего полчаса на сборы, по армейской привычке, и лёгким шагом навстречу будущему.

К институту одна дорога: мимо перекрёстка, а там — либо в дремучий лесок, либо на центральную проходную, к плакату с электронами вокруг атома. Только в лесок, и для меня по-другому никак. Ночью шёл дождь, и такие запахи... Вы не поверите. Вокруг всё живое, душистое, с запахом озона. Интересно, почему он такой резкий — как после грозы?

Да уж... Эти военные опять что-то замутили, что-то в природе не так. Красная книжица в руках КГБ, под пристальным взглядом от которого я столбенею. Десятый год этот глазастенький в штатском пытливо смотрит то на фото, то на меня — ищет прыщик на лице. Какой он наивный — мы тоже не то, что давеча, а вчера. Пост номер один прошёл, а дальше как обычно: пост номер два, три, четыре...

Так, а это что за труба до небес выросла за ночь?.. Подсознание подсказывает: не к добру. Тьфу на меня... Мысли лезут дурацкие, а тут молодость, жена, доченька и любимая работа.

Время к обеду. Вдруг левая щека слегка загорелась, потом и правая — как будто вспомнил первое свидание. Сердце застучало, стало тяжело голове, дыхание сперло. Что за ерунда? Откуда такие напасти? Пожалуй, пойду умоюсь холодной водой, а то очень жарко.

Как тяжело возвращаться... Ноги, руки свинцовые, а самое главное — губы. Что с ними? Всё онемело... Мысли замедлились и поплыли в неизвестном направлении. Я один — рядом никого нет, некому помочь. С трудом подаю пропуск на выход.

Опять лесок с запахом озона... Иду как в тумане, а улица Парковая не близко для черепашьей скорости. Наконец дошёл и рухнул на диван. Усилием воли заставил руку набрать номер скорой и проронить слова: *«Дверь в квартиру открыта. На диване лежит мёртвое тело... Долго не думайте, а вколите хлористый кальций. Времени у вас пять минут...»*

Скорая включила сирену и, как хищная птица, упала с небес к моему подъезду. Бригада врачей влетела на второй этаж и крикнула: *«Что с вами?»* В ответ тишина — лишь юное тело, раскинув руки, будто уснуло. Пульса нет и жизни тоже... *«Готовьте быстрее вену!»* — крикнул врач и вколол лошадиную дозу.

Дрогнули веки... *«Он живой!»* — прошептала сестричка. Слёзы брызнули градом на моё лицо и окропили душу. *«Нашатырь сюда!»* Медсестра упала в обморок — закричал

врач. Топот ног проникал в сознание, то удаляясь, то приближаясь. Яркий свет бьёт в глаза. Нежные руки гладят моё лицо, и я чувствую стоящую рядом юную девушку.

— Миленький, очнись...

— Я слышу вас, — прошептали губы.

Глаза открылись, и светлый мир устремился в моё сознание.

Между жизнью и смертью

Скорая привезла меня в Протвинскую больницу, прямо в реанимацию. Сознание то возвращалось, то снова ускользало, словно я балансировал на тонкой грани. Вокруг суетились врачи, а рядом стояла медсестра — её лицо было бледным, но сосредоточенным.

— Он умер! — крикнул врач, и эти слова эхом отозвались в моей голове.

В тот же миг я почувствовал, как моё сознание отделилось от тела и поднялось под потолок. Я видел всё сверху: врача, который обхватил голову руками от бессилия, медсестру, упавшую на пол, и дверь, в которую ломился пьяный мужик с милиционером.

— Куда прётесь?! — заорал врач. — У меня такой красавчик умер!

Медсестру привели в чувство нашатырём. Она встала, подошла ко мне и, склонившись, уронила слезу на моё лицо. Эта слеза обожгла мою душу, и сознание стремительно вернулось в тело.

Я открыл глаза.

— Он живой! Наш красавчик! — закричала медсестра.

Врачи снова забегали вокруг меня, проверяя пульс и давление. Я с трудом повернул голову и спросил у врача:

— А что за пьяный рвался в дверь?

Врач замер, побледнел ещё сильнее и прошептал:

— Ты же был мёртвым...

В палате повисла тишина. Я лежал и смотрел в потолок, ощущая, как по щеке стекает последняя слеза медсестры — та самая, что вернула меня к жизни.

Видимо я еще нужен в этои мире..

4. Парторг

Никто не знает толком, как хороша жизнь. Она не заключается в дачах, машинах или деньгах. Конечно, это хорошо, но не главное. Главное — в другом.

Осень. Запах мокрых листьев, они все цветные — жёлтые, красные, оранжевые. Лёгкий ветер шевелит волосы, а рядом она — моя Верочка. В её глазах целая галактика, где мы — дети планеты Проксима b. Я часто вспоминаю тот день в Африке, когда выполнял спецзадание. Тогда я просил звёзды сохранить мне жизнь. Одна из них резко бросила луч и прошептала: *«Ты не бойся. Всё будет хорошо. Так надо нам, чтобы ты стал человеком на планете Земля»*.

— Ты о чём думаешь? — спросила Вера, сжимая мою руку.

— Да так... Вспомнил, откуда я.

Мы шли по аллее, и казалось, что весь мир — это только мы и этот осенний лес. Вера улыбалась, а в её взгляде было столько тепла, что даже самые тяжёлые воспоминания отступали.

На днях мы говорили о парторге. Он был человеком старой закалки, строгим, но справедливым. Вера сказала:

— Он на днях уйдёт в мир иной. Так ты говорил.

Я не придал этому значения — просто слова, предчувствие. Но так и случилось. На окраине леса его поразила молния. Говорят, в тот день небо было особенно ярким, а воздух пах озоном и последними осенними цветами.

Мы с Верой стояли у края леса, смотрели на то место, где всё произошло. Ветер шевелил листву, и казалось, что сама природа прощается с ним.

— Знаешь, — тихо сказала Вера, — главное — не то, сколько у тебя дач или машин. Главное — чтобы рядом был тот, с кем можно разделить и осень, и молнию, и всю эту странную, но такую прекрасную жизнь.

Я посмотрел в её глаза и увидел там целую вселенную. И понял: я дома.

5. Последний рейс

Пятница в «Плафене» всегда пахла раскалённым металлом и усталостью. Я работал ведущим инженером, и работа была не просто тяжёлой — она высасывала душу. Оборудование у нас было не сложное, а дьявольски сложное: переплетение кабелей, мигающие датчики, схемы, в которых чёрт ногу сломит. Но мы справлялись.

К концу смены отдел собрался в курилке — тесной, пропахшей табаком и отчаянием бетонной коробке. Главный инженер, молчаливый и грузный, стоял в углу, выпуская дым в зарешеченное окно. Атмосфера была вязкой, как остывающая смола. Обсуждали планы на выходные, пытаясь вырваться мыслями из этого цеха.

— Я сразу после работы на дачу рвану, — заявил Вова. Электрик, смуглый, черноволосый, с цыганской серьгой в ухе, он всегда был себе на уме. — Под Воронеж. Картошку надо выкопать.

Я посмотрел на его осунувшееся лицо. Глаза у него были красные, воспалённые.

— Езжай утром, — сказал я спокойно. Голос прозвучал глухо в бетонных стенах. — Отдохнёшь после смены. Поедешь поутру, на свежую голову.

Он дёрнулся, как от удара.

— Нет! — отрезал он резко. — Поеду вечером. И ты мне не указ.

В курилке повисла неловкая тишина, которую тут же разорвал чей-то смешок. Коллектив ухмыльнулся, пряча неловкость за разговорами о своих делах. Главный инженер молчал, лишь внимательно посмотрел на меня из-под густых бровей.

Я не отвёл взгляда от Вовы. Внутри меня поднималась холодная, тяжёлая волна знания.

— Поедешь ты в ночь, — произнёс я, и мой голос стал чужим, низким. Он словно эхом отражался от стен. — Будешь гнать по пустой трассе... И тут на дорогу выскочит собака. Она попадёт прямо в стекло. Скорость сто... Ты не увернёшься. И погибнешь.

Слова упали в тишину, как камни в воду.

Вова побледнел, потом налился багровой краской.

— Да пошёл ты нахер! — заорал он, вскакивая. Его трясло. — Псих долбаный!

Коллектив засмеялся громче, уже не скрываясь. Напряжение спало, превратившись в фарс. Все разошлись по домам, обсуждая «чокнутого инженера». Я остался один в курилке с главным инженером.

— Ты это... видел? — тихо спросил он.

Я только кивнул.

В воскресенье телефон зазвонил рано утром. Номер был знакомый.

— Да? — голос со сна был хриплым.

— Это я, — раздался в трубке глухой бас главного инженера. — Выходи на улицу. Сейчас же.

Сердце пропустило удар.

Через полчаса мы уже мчались по трассе на его старой машине. В салоне стояла мёртвая тишина. Я смотрел на серое полотно дороги и знал, куда мы едем.

Мы приехали к городской ритуальной службе. Там стоял автобус, а рядом — простой деревянный гроб.

Поехали хоронить Володю.

Всё случилось именно так, как я сказал. Он гнал по ночной трассе под Воронежем. Сто километров в час. И на дорогу выскочила дворняга. Удар был такой силы, что стекло осыпалось внутрь кабины. Его нашли утром в искорёженной машине.

Я стоял в храме. Воздух был густым от запаха ладана и воска. Гроб стоял на постаменте, закрытый. Говорили, лицо сильно пострадало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.